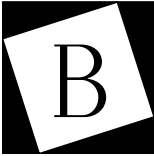

Глава 1

Джорджтаун

Первый раз Эдриен Риццо увидела своего отца, когда он попытался ее убить.

Ей было семь лет, и ее мир состоял в основном из переездов. Обычно они с матерью — и с Мими, которая за ними обеими присматривала, — жили в Нью-Йорке, но иногда на несколько недель останавливались в Лос-Анджелесе, в Чикаго или в Майами.

Летом надо было навещать бабушку с дедушкой в Мэриленде — приезжать как минимум на две недели. Для Эдриен это было самое веселое время, потому что там были собаки и большой двор, идеально подходящий для игр, и покрывало на веревке, на которой можно качаться.

В Манхэттене Эдриен ходила в школу, и это было неплохо. Еще она ходила на танцы и на гимнастику, и это было даже лучше школы.

Когда они путешествовали вместе с мамой по работе, Мими учила Эдриен, потому что девочка должна быть образованной. Так Эдриен узнавала о городах, где они бывали. Как-то они провели целый месяц в Вашингтоне, и тогда ее школьная программа включала посещение памятников, экскурсию по Белому дому и поход в Смитсоновский музей.

Иногда Эдриен ходила с мамой на работу, и это ей очень нравилось. Когда же приходилось работать в ка-

ком-нибудь из маминых фитнес-видео, надо было учиться этим действиям — вроде кардиотанца или асан-йоги.

Эдриен любила учиться и любила танцевать.

В пять лет они с мамой записали целое видео — для детей и их родителей. На тему йоги, конечно, потому что она ведь и была йога-ребенком в маминой компании «Йога-беби». Ее наполняли гордостью и радостью слова матери, что они еще один такой ролик сделают. Может быть, когда ей будет десять — в расчете на ту возрастную группу.

Мама все знала о возрастных группах, о демографии и прочих подобных вещах. Эдриен слышала, как она разговаривает об этом со своим менеджером и своими продюсерами.

Мама много чего знала и про фитнес, про связь ума и тела, про питание и медитацию и все такое.

Она не умела готовить — так, как Поупи и Нонна, владельцы ресторана. Не любила играть в игры, как Мими, — потому что была очень занята выстраиванием своей карьеры.

У нее все время были совещания, и репетиции, и планерки, и выступления, и интервью.

Уже в семь Эдриен поняла, что Лина Риццо очень многого не знает о том, как быть мамой.

Но она не возражала, когда Эдриен играла с ее косметикой — при условии, что потом все положит на место. И никогда не злилась, если они отработывали что-то и Эдриен ошибалась.

В этот раз, когда мама закончила все съемки, дала все интервью и провела все совещания, надо было не лететь в Нью-Йорк, а ехать в гости к бабушке и дедушке на длинный уик-энд.

У Эдриен были планы: уговорить затянуть это дело на неделю, но сейчас она сидела на полу в дверях и смотрела, как мама создает очередную программу.

Лина выбрала этот дом, потому что здесь был спортзал с зеркальными стенами — это было для нее не менее важно, чем количество спален.

Она делала приседания и растяжки, подъем колена — Эдриен знала все названия упражнений. А еще Лина разговаривала с зеркалами — своими зрителями, — поправляя, поощряя.

Иногда она произносила какое-нибудь нехорошее слово и начинала упражнение сначала.

Эдриен думала, что мама красива, как блестящая от пота принцесса, красива даже без косметики — тут не было людей с камерами. У нее были глаза зеленые, как у Нонны, а кожа будто после солнечных ванн — хотя их и не было. А волосы — убранные сейчас в тугой хвост на затылке, — как каштаны, которые продаются на Рождество в пакетах, теплые и ароматные.

Мама была высокая — ну, не такая, как Поупи, — и Эдриен надеялась, что тоже вырастет.

На ней сейчас были облегающие шорты и спортивный топ — конечно, для видео- или фотосъемки она не надела бы такой откровенный наряд, потому что, говорила Лина, это не есть хороший тон.

Эдриен с детства учили уделять физическому развитию не меньше внимания, чем умственному, и следить за своим здоровьем. И она видела, что у мамы разум и тело одинаково гибки, а еще видела, какая у нее мама красивая и собранная.

Что-то приговаривая себе под нос, Лина подошла сделать пару записей — Эдриен знала, что это будет план для нового видеоролика. В этом вот будут три части — кардио, силовая тренировка и йога, все по тридцать минут, и бонусом — пятнадцатиминутная экспресс-секция для разминки всего тела.

Схватив полотенце, Лина промокнула пот с лица и тут заметила дочь.

— Эдриен, черт побери! Ты меня напугала. Я не знала, что ты здесь. Где Мими?

— На кухне. У нас на ужин будет курица с рисом и спаржа.

— Отлично. Пошла бы ей помогла, что ли? Мне надо в душ.

— А почему ты сердитая?

— Я не сердитая.

— Ты сердилась, когда говорила по телефону с Гарри. Ты орала, что никому не рассказывала, тем более какому-то — очень плохое слово — репортеру из таблоида.

Лиана сдернула резинку с волос — обычно она так делала, если у нее болела голова.

— Нельзя подслушивать чужие разговоры.

— Я не *слушала*, я *услышала*. Ты злишься на Гарри?

Мамин пиарщик Эдриен очень нравился. Он ей подкидывал пакетики конфет и рассказывал смешные шутки.

— Нет, я не злюсь на Гарри. Пойди помоги Мими. Скажи ей, что я спущусь через полчаса.

А все же она сердится, подумала Эдриен, когда мама вышла. Пусть не на Гарри, но на кого-то сердится: она кучу ошибок сделала в упражнениях и сказала много плохих слов.

Вообще мама редко делает ошибки.

А может быть, у нее просто болит голова. Мими говорила, что у людей иногда болит голова, если они слишком много переживают.

Эдриен встала с пола. Но помогать готовить ужин ей было скучно, и она пошла в зал для фитнеса. Остановилась перед зеркалами. Высокая для своего возраста девочка, курчавые волосы — черные, как когда-то были у бабушки, — выбиваются из-под зеленой резинки. Глаза слишком золотистые, чтобы считать их по-

настоящему зелеными, как у мамы, но Эдриен надеялась, что они еще поменяют цвет.

В розовых шортах и футболке с цветочками она приняла позу. Включила в голове музыку и стала танцевать.

Она любила уроки танцев и уроки гимнастики, когда они с мамой жили в Нью-Йорке, но сейчас она была не ученицей, а инструктором.

Она вертелась, выбрасывала ноги, ходила колесом, садилась на шпагат. Скрестный шаг, сальса, прыжок — импровизируя на ходу.

Так она резвилась минут двадцать. Последние двадцать минут безмятежной жизни.

А потом кто-то позвонил в дверь. Нажал кнопку и не отпускал.

Этот злобный звук она никогда не забудет.

Ей дверь открывать не полагалось, но это не значило, что смотреть нельзя. Вот она и вышла в гостиную, потом в прихожую, куда вышла из кухни Мими.

Мими на ходу вытирала руки ярко-красным полотенцем, торопясь к двери.

— Господи боже, зачем так трезвонить? Где пожар?

Темно-кариими глазами она глянула на Эдриен, заткнула полотенце за пояс джинсов. Потом эта маленькая женщина с мощным голосом крикнула:

— Придержите коней, черт вас побери!

Эдриен знала, что Мими — мамина ровесница, потому что они вместе в колледже учились.

— Что стряслось? — рявкнула она, поворачивая ручку замка и открывая дверь.

И Эдриен увидела, как на лице у Мими раздражение — ну, как если Эдриен не убрала свою комнату — сменяется испугом.

А дальше все произошло очень быстро.

Мими попыталась захлопнуть дверь, но этот человек ее распахнул и толкнул Мими внутрь. Он был

очень большой, куда больше, чем она. Коротенькая борода с сединой, в волосах седины побольше — как серебряные крылья на золоте, красное, как после долгого бега, лицо. Эдриен, увидев, как этот огромный человек толкнул Мими, застыла на месте от потрясения.

— Где эта сука?

— Ее здесь нет. И незачем сюда вламываться, убирайся. Или ты уйдешь, Джон, или я полицию вызову.

— Врешь, гадина! — Он схватил Мими за плечо и встряхнул. — Где она? Отвечай! Эта тварь думает, что может своей поганой пастью губить мне жизнь?

— Убери руки, ты пьян!

Она попыталась освободиться — он ударил ее по лицу наотмашь. Звук удара отдался в голове у Эдриен выстрелом, и она бросилась вперед:

— Не смей ее бить! Оставь ее!

— Эдриен, иди наверх! Немедленно.

Но Эдриен упрямо сжала кулачки:

— Он должен уйти!

— Ради вот этого? — взревел этот человек, вызверившись на Эдриен. — Вот ради этого она мне ломает жизнь, черт бы ее побрал? Ни капли на меня не похожа. Давала всем подряд, а теперь на меня хочет повесить своего ублюдка. Хрен вот! И ей хрен!

— Эдриен, наверх! — Мими резко к ней развернулась, и Эдриен увидела, что Мими не злится — как злилась она. На ее лице был страх. — Немедленно!

— Значит, эта сука наверху, да? А ты мне врешь? Ну так вот тебе за это.

На этот раз он не дал пощечину, а ударил кулаком. Раз и еще раз. В лицо.

Мими рухнула на пол, и ее страх словно бы волной докатился до Эдриен. На помощь. Надо звать на помощь.

Но этот человек поймал ее на лестнице, дернул голову назад, ухватив за курчавый хвост.

Эдриен закричала, зовя мать.

— Правильно, зови мамочку. — Он дал ей пощечину, и лицо вспыхнуло болью. — Нам с мамочкой поговорить надо.

Он потащил ее вверх по лестнице, и Лина выбежала из спальни в халате, с мокрыми после душа волосами:

— Эдриен Риццо! Это что еще за...

Она осеклась, остановилась как вкопанная. Она и этот человек не сводили друг с друга глаз.

— Отпусти ее, Джон. Отпусти, и тогда мы поговорим.

— Ты уже поговорила. Ты, дура деревенская, ты мне жизнь поломала!

— Я не говорила о тебе с тем репортером. И ни с кем вообще. Это не от меня пошло.

— Врешь!

Он снова дернул Эдриен за волосы, да так, что голове обожгло огнем.

Лина сделала два осторожных шага вперед.

— Отпусти ее, и мы все это выясним. Все еще можно исправить.

— Исправить, блин? Университет со мной разорвал контракт, жена просто не в себе. Дети — а что вот этот твой ублюдок от меня, я ни на секунду не верю, — в слезах. Ты нарочно приехала сюда, в *мой* город, чтобы это устроить.

— Джон, нет. Я приехала работать. С тем репортером я не говорила. Семь лет прошло, как все кончилось, зачем бы мне это? Вообще зачем? Ты делаешь больно моей дочери. Перестань.

— Он побил Мими! — Эдриен слышала запах маминого геля для душа и шампуня — тонкая сладость цветков апельсина. И вонь от этого человека — она не знала, что это пот и «бурбон». — Он ее ударил в лицо, и она упала.